

Часть первая

ПОЙМАТЬ ЗВЕРЯ

Глава 1

Рейсовый автобус до Зашишевья отменили еще зимой. И летом маршрут не восстановили.

— А незачем, — объяснил Лузгину милиционер на вокзальной площади, немолодой и заметно поддатый сержант. — Вы-то чего там забыли? Кстати... Можно документики ваши?

Лузгин секунду помедлил и вытащил паспорт.

— И на ружье попрошу.

— Вот, пожалуйста.

Сержант раскрыл паспорт и глубокомысленно изрек:

— Ага!

— Да-да, я тут родился. У меня в Зашишевье дом. Бабушкин еще. Приезжаю иногда отдохнуть и на утку сходить.

— На утку сходить... — эхом повторил сержант.

— Поохотиться, — на всякий случай уточнил Лузгин.

— Рановато вы. До сезона еще месяца полтора, если не два.

— А я и не тороплюсь.

Сержант оглядел Лузгина с ног до головы, будто оценивая, из торопливых тот или нет.

— Говорят, хреновая в тех местах охота стала, — бросил он, снова утыкаясь в документы.

— Это кто говорит? — хмыкнул Лузгин.

— Да все говорят. Утка теперь больше на Голубых Озерах. А под Зашишевьем ни утки, ни зверя нет. Утиные гнезда паводком затопило по весне. А зверя волки, наверное, заели. Волки там шалят, знаете?

— Ну, это зимой...

— И летом тоже.

— Летом? — изумился Лузгин. — Волки?

— Так глухомань же, чего бы и не пошалить. Вот туда даже автобуса нет. Потому что незачем. Сколько там дворов-то жилых?

— Ну-у... В том году я не был, не получилось. А в позатом десятка три.

— Загибается ваше Зашишевьё, — сказал милиционер, возвращая Лузгину документы. — И если б только оно. Всё просрали москвичи-демократы. Пидоры.

Лузгин несколько раз крепко моргнул.

— Да, тут еще собаки бешеные в пригороде бегают, — продолжал сержант. — В пригороде и в старой промзоне, там вообще целые стаи. Мы всех предупреждаем, вы осторожнее. Второе лето подряд такое безобразие. Их лисы бешеные кусают, собаки людей кусают, люди бесятся и тоже кусаются...

Лузгин надолго зажмурился.

— Как добираться-то в Зашишевьё думаете? Не повезет ведь никто. И попутки в ту сторону не дож-

дешься. Разве какой зашишевский в город выбрался — доски вроде они возят, так его еще найти. А полсотни верст пехом... Может, ну на фиг? Честное слово, ехали б вы, скажем, на Голубые Озера.

— Я на родину и пехом могу, — хмуро пообещал Лузгин.

— К ночи-то не успеете, — сказал сержант. С непонятным каким-то значением сказал. — У вас хоть патроны нормальные есть? Что на утку — пятерка, четверка от силы...

— Три ноля вам хватит? — Лузгин начал злиться.

— Мне-то хватит, — ухмыльнулся сержант. — А там — кто его знает... Ладно, счастливого пути.

Привязчивый милиционер козырнул и ушел по своим делам. Лузгин, чертыхаясь под нос, двинулся к заметной издали группе привокзальных извозчиков.

Те его разве что на хер не послали.

— Триста, — объявил Лузгин внушительную по здешним меркам сумму.

— Долларов? Или этих... Ёврей? — рассмеялись ему в лицо.

— В чем дело-то, мужики? — попытался втереться в доверие Лузгин.

— Да ни в чем. Просто не ездим мы туда. И никто не поедет.

— Почему?! Вы еще скажите, там волки!

— Какие, в жопу, волки...

— А что тогда?!

— Слушай, друг, отстань, а? Сказано тебе — на Зашишевь не ездим. Дорога херовая.

Лузгин оглядел потрепанные машины извозчиков и скривился.

— Думаете, я не знаю, по каким вы дорогам на «Жигулях» пересекаете? Да там не всякий грузовик пройдет!

— А на Зашишевы — херовая.

Лузгин демонстративно сплюнул и зашагал прочь.

— Эй, москвич! — крикнули ему в спину. — Вон, гляди, дедушка подвалил. Ты с ним попробуй. Дедушка у нас отмор тот еще. Он тебя не только в Зашишевы, он хоть прямо в само Филино отвезет!

И извозчики хором заржали, будто сказано было что-то очень смешное.

Дедушка оказался и вправду дедушкой. При ржавом насквозь «Запорожце».

— В Зашишевы не повезу, ты понял, — твердо заявил он. — А вот до зашишевской поворотки...

— Хоть туда! — взмолился Лузгин, втайне надеясь по пути уговорить деда проехать дальше. От поворота с асфальта до деревни оставалось еще верных двадцать километров по грейдеру через лес.

— Двести рублей.

— Легко, — бросил Лузгин, ныряя в машину.

* * *

Уже за городом дед спросил:

— По делам или как?

— В отпуск.

— А-а... — протянул дед и отгородился от пассажира такой стеной, что Лузгин ее почти физически почувствовал.

— Я сам вообще-то местный, — сказал Лузгин. — Из города. Просто родители в Москву пере-

брались, когда я школу заканчивал. А в Зашишевы бабушка моя жила, дом от нее остался. Почти каждое лето приезжаю.

— А-а... — повторил дед, но стал вроде бы поближе.

— Вот поживу спокойно месячишко-другой, а там сезон откроется, уток постреляю...

— Охотник, значит? — хмыкнул дед. — А я думал, зачем ружье, ты понял. Думал, по делу. Поживешь ты в Зашишевы, как же... спокойно.

— По делу?.. — переспросил Лузгин.

— В том году-то не приезжал ты, — сказал дед.

— Да, не приезжал. С работой закрутился. А вы...

— Возил я туда в том году. Тоже вроде тебя — москвичей. Один я возил, другие зассали, ты понял. Двоих возил с ружьями. А тебя не было.

— Да, меня не было. Правда, я на машине обычно. А что эти двое?..

— Говорю — москвичи, — объяснил дед и умолк.

Лузгин вздохнул. Он слишком хорошо знал местных, чтобы надеяться теперь хоть на обрывочную информацию. Здесь умели великолепно сплетничать, но если по какой-то причине образовывался заговор молчания... Сицилия с ее знаменитой «омертой» могла идти далеко и надолго. Одна радость — в Зашишевы ему, как своему в доску, конечно же, все объяснят.

Вот только добраться бы туда.

Дед гнал, «Запорожец» неприятно плавал по дороге. Под колеса летел щербатый кривой асфальт. Лузгин увидел знакомый столб и приготовился не пугаться. Неподалеку затаилась подленькая неза-

метная промоина, на которой внезапно теряли управление и резко дергали вправо передним мостом все без исключения автомобили, невзирая на марку и тип привода.

Машина опасно вильнула. Лузгин испугался.

— Вот бяцство, ты понял, — произнес дед лениво.

— Хреновая дорога, — поддержал тему Лузгин.

— Дорога нормальная. Гонять не надо.

— Не бывает на нормальной дороге поворотов с обратным профилем, — фыркнул Лузгин. — Таких, чтобы машина на отрыв шла. А эта вмятина? Главное, ее не видно совсем, а тачка обязательно вильнет. Сама. И любая. Я тут на разных ездил. Пару раз с перепугу чуть в канаву не улетел.

— А сейчас чего пешком?

— Машину жене оставил.

— Потом жена приедет?

— Не приедет, — отрезал Лузгин.

— Ты попусту не огрызайся, парень, — сказал дед строго. — Человека не сразу видно, ты понял. А я тебе добра желаю. Ты вроде нормальный.

— Вроде, — согласился Лузгин.

— В городе люди пропадают, ты понял.

— Они везде пропадают, — заметил Лузгин осторожно. — По России до ста тысяч в год пропавших без вести.

— Ско-олько?! — недоверчиво протянул дед.

— Официально шестьдесят-семьдесят тысяч. Ну, сами догадываетесь, как занижены официальные цифры...

— Ты-то откуда знаешь?

— Слышал где-то.

— Это у вас в Москве говорят?

— Говорят.

— Да-а, однако... Ну, у нас-то немного пропадает, конечно. И так, шелупонь разная — бомжи, пьянь, тюремщики. Но мы же их знаем всех — а они пропадают, ты понял. А бывает, и приличные люди. У меня сосед через два дома — ушел по весне, и с концами. Потом рыбаки тоже. Прошлым летом. Уехали впятером как раз в эту сторону. Грузовик-то нашли, ты понял. Москвичей тех, что я отвез, вообще с милицией искали. Неделю искали, ты понял. Меня на допрос таскали, а я что? Я — до повёртки, дальше ни-ни. Тогда уже пастуха с подпаском заели где-то там, дальше, за Горелым Бором.

— Не похоже на волков... — пробормотал Лузгин.

— Какие волки, мил человек? Волки! Двоих мужиков заели, коров не тронули — ничего себе волки, ты понял! А в городе? В городе что, тоже волки шуруют? Менты все прошлое лето собак бродячих отстреливали. Как бы они вроде людей грызли. Ну, отстреляли. А этим летом та же херня. Бешеные собаки, ты понял. Ага, так мы и поверили. Не знаю, что там у вас в Москве на этот счет говорят...

— В Москве я ничего подобного не слышал.

— И про новое бешенство?

— Не-ет...

— Люди кусаться начинают, — сообщил дед, заметно понизив голос, насколько позволили дребезг и пуканье «Запорожца».

— Ах да, — вспомнил Лузгин. — Мне на вокзале мент говорил.

— Тебе мент сказал, а я своими глазами видел.

— Чего?! — подыграл Лузгин, в свою очередь понижая голос.

— Не чего, а кого. Бешеных, — важно заявил дед.

— И много?

— Не веришь, да? Много не много, а парочку видел. Рожи белые, пасть в кровище, глаза выпучены... А я на рыбалку двинул затемно и по дороге их чуть не сбил, ты понял. На выезде из города, вот где промзона начинается — ну, знаешь. Хорошо, ночь лунная была, у меня фары-то не особо того. Гляжу — идут двое мне навстречу, шатаются, как пьяные, не видят ни хрена. Страшные, оборванные все, у девки сиськи наружу...

Тут дед надолго замолчал.

— А может, и правильно, что не веришь, ты понял, — сказал он наконец. — Сам не верю. Я тогда дальше-то еду, думаю, не перекреститься ли, ни хрена себе рыбалка начинается, и вижу — собака! Здоровая, черная. По обочине чешет в ту же сторону. Метров за триста позади от тех. А за собакой еще чуть позади мужик. В черном плаще длинном, до самой земли, ты понял. С капюшоном. Смотрю — коса есть, нет? Вроде нет у него косы. Тут уж и вправду перекрестился. А все одно клева не было вообще, ты понял.

Лузгин ошарашенно молчал.

— Погнали, называется, советскую власть, — сообщил дед. — Надоела она им, ты понял. Мне она тоже, прямо скажем, не особо нравилась. Но при советской власти не было такого. На днях, я слышал, опять бабу загрызли под Филином. Вторую уже. Ты это, через Филино напрямик не ходи,

ты понял, в обход бери вдоль озера, по старой дороге. Там мужики любого чужого застрелят на хер без разговоров. Знают тебя в Филино? А все равно не ходи, они же киряют вчерную. Раньше по безделью, теперь от испуга. С залитых глаз точно завалят...

Лузгин смотрел на дорогу и мучительно соображал. Может быть, впервые в жизни он не знал, что спросить. А ведь с детства был любопытен, недаром работу выбрал — сплошные расспросы и поиск истины.

— Собаки бешеные! — сказал дед с выражением. — Допустим, с собак все началось, я не возражаю, ты понял. Но дальше одними собаками не обошлось. Хотя ты и собак тоже бойся. Ты как лесом пойдешь, всего бойся. В городе вроде ясно, кого бояться. А в лесу какое говно лазает, не разбери-поймешь. Второе лето хер знает что творится. Раньше хоть понятно было, куда жаловаться...

«Запорожец» сбавил ход. Слева впереди, в плотной стене леса, виднелась рваная прореха. А справа — покосившийся указатель «На Зашишевы», облезлый и в дырках от сквозной ржавчины. Надпись читалась с трудом.

— Дальше не повезу, даже не надейся, — сказал дед, притормаживая.

Лузгин глядел налево. Еще позапрошлым летом в глубь леса уходил вполне приличный укатанный грейдер, по нему можно было гнать и под сотню, если машину совсем не жалко. Ну, дорога осталась дорогой. Только крайне запущенной, с осыпавшимися, заросшими травой обочинами и заметной грузовой колеей посередине.

— Не надеюсь, — вздохнул Лузгин, протягивая деньги.

— Ружье собери и заряди, — распорядился дед. — Картечью. А лучше пульей, ты понял.

— Хватит меня запугивать, — попросил Лузгин, выбираясь из машины. — Я и так уже едва дышу.

— Живее будешь, — дед откинул спинку правого сиденья, помогая Лузгину достать рюкзак и чехол с ружьем. — Да, это... Привет Ерёме от меня, ты понял. Скажи, зимой приеду на мормышку ловить.

— А зимой что, в Зашишевы не страшно?

— Зимой тут везде глухо, — сказал дед. — Как в танке.

И сам захлопнул дверь, отгораживаясь от Лузгина уже окончательно.

— Вас зовут-то как? — спросил Лузгин, но дед уже разворачивал дребезжащий «Запорожец».

— Никак, — понял Лузгин.

* * *

Для начала он помочился на обочину. Потом закурил сигарету и поглядел на часы. Полдень. Если ничего страшного не произойдет, к Зашишевы можно выйти около шестнадцати. Лузгин вытащил из чехла помповую гладкостволку и ловко собрал ее на весу. Присел в задумчивости над рюкзаком. Боеприпасы он упаковывал бессистемно, не глядя, и в каком углу рюкзака затерялась коробка с двадцатью патронами, снаряженными дробью «три ноля», никак не мог вспомнить.

— Бред, — сказал Лузгин, вскрывая клапан.

— Паранойя, — добавил он заметно громче через минуту-другую.

— И всё-таки! — провозгласил он в полный голос еще несколькими минутами позже, заряжая подствольный магазин.

За все это время по асфальту не проехало ни одной машины.

Лузгин передернул затвор, щелкнул предохранителем и дозарядил ружье еще одним патроном.

Он в общем-то не чувствовал страха. Но Лузгин прекрасно знал, что местные не боятся ни волков, ни медведей, ни бешеных собак, ни белой горячки. Этого добра в округе испокон веку было хоть задом ешь. Местные опасались только милиции, да и то по причинам отнюдь не метафизического, а самого что ни на есть материального свойства. В приснопамятные советские времена народ постоянно что-то воровал — не от хорошей жизни, конечно, — и до сих пор сохранил перед людьми в погонах атавистический ужас. Да и милиция тут всегда была насквозь коррумпированная, эдакая сама себе мафия, и кого угодно могла посадить за что угодно или вообще ни за что.

Короче говоря, если местные вздумали чего-то всерьез бояться, значит, оно пострашнее милиции будет. Выходит, и самому немного побережься не зазорно.

С этими невеселыми мыслями Лузгин навьючил на себя рюкзак, приспособил ружье на одно плечо и зашагал по грейдеру, держась самой его середины.

Через два часа, обходя берегом озера потенциально опасное для жизни село Филино, он наткнулся на бешеную собаку.

Небольшого роста черная с рыжим псина, некогда лохматая, а теперь облезлая, трусила Лузгину навстречу по узкой тропинке.

Запаленное дыхание и вся морда в пене.

Лузгин сполз с тропинки задом, выставив перед собой ружье.

Собака покосилась на человека мутным заплывшим глазом и, хрипя, будто загнанная лошадь, пробежала мимо.

— С-с-сука! — прошипел Лузгин ей вслед, зашелкивая предохранитель.

Хвост удаляющейся собаки весело торчал вверх.

Лузгин сам уже шел в одной рубашке и все равно потел. А каково было по жаре псу, хоть и облезлому... Тут не то что вспенишься — закипишь.

— Бля! — выдохнул Лузгин, доставая трясущейся рукой сигареты и ощущая всем телом, как бешено колотится сердце.

Больше он до самого Зашишевья никого не встретил.

* * *

К концу дороги Лузгин совершенно запарился и похудел минимум на килограмм. Можно было, конечно, по пути окунуться в три озера и две речки, но не терпелось поскорее добраться до места и выяснить, что за аномалия там приключилась. Большое и удивительно чистое Шишево, вдоль которого село лежало, и то Лузгина не соблазнило — он наспех голову в воду окунул с мостков да шею намочил. В это озеро не хотелось нырять. Отсюда слышно было: ой, нехорошо на берегу.

Ничего слышно не было.

В нормальном состоянии даже такое умирающее село, как Зашишевы, производило довольно много шума. Причем не городского, сливающегося в гул, а типично деревенского, состоящего из множества самостоятельных и информативных шумов. Вот лесопилка гудит, вот трактор везет с поля сено, а кто-то в город на грузовике двинул, а там баба матом кроет сволочь пьяную свою... Да и псина какая нет-нет, а гавкнет.

Нынче село то ли вымерло, то ли затаилось.

Лузгин на Зашишевы вышел с юга. Не удержался, срезал угол по лесным тропинкам. Половиной мозга понимая: ох нарывается — а другой твердо зная, что в жару никакое лесное чудовище на охоту не ходит, оно под корягой прячется и тяжело дышит. И действительно, никто его не загрыз и не испугал. То есть, вздумай Лузгин испугаться, он бы повод нашел, но после встречи со взмыленной собакой ему основательно полегчало. Вспомнил, как велики глаза у страха. И еще — что местный народ сметливый, но малограмотный.

Увидел кто-то мельком что-то. Принял его за черт знает что. Обозвал непонятно как. И пошел на всю округу байки травить, знай ему наливай. Включается испорченный телефон — кстати, здесь и настоящий-то телефон постоянно сбоят... «Кстати!» Лузгин, неловко извернувшись, сунул руку в боковой карман рюкзака и вытащил мобилу. Нет контакта с сетью. Последний сотовый ретранслятор стоял в городе.

Да и зачем тут ретранслятор? В Зашишевы ма-

газина-то нет уже десятый год. Спасибо, электричество есть.

Итак, Лузгин пришел с юга, и теперь в село входил не с «парадного» края, а по узкой боковой улочке. И сразу же заметил, как прибавилось брошенных домов. Этот конец Зашишевьа действительно вымер. Но дальше-то что?

Будто желая поддержать Лузгина, вдалеке замычала корова. Он прибавил шаг, обогнул угол и остановился, с облегчением переводя дух.

В селе жили люди. Они даже занимались делом. Братья Яшины, непохожие близнецы, крепкие шестидесятилетние дядьки-пенсионеры, напряженно трудились. Старший, Витя-электрик, висел на высоком столбе, обхватив его «кошками», и ковырялся в телефонном коммутаторе. Младший, Юра-плотник, сидел у подножия столба и пил водку, заедая ее копченой рыбой. Вите как раз захотелось добавить, но слезать, видимо, было лень — он опустил вниз полевую сумку на длинном ремне, а Юра аккуратно вставил в нее стакан, накрыв его бутербродом с рыбой.

— Ну, братка! — сказал Витя, откидываясь назад, чтобы удобнее было опрокинуть дозу — насколько позволял страховочный пояс, обвивавший столб.

— Ну, братка! — ответил Юра.

Они дружно выпили, причем Юра как раз увидел Лузгина и сделал поверх стакана большие глаза.

Витя у себя наверху закусывал.

— Слушай, Андрюха приехавши! — сообщил Юра хрипло.

— Где? — Витя принялся опасно вертеться на столбе. — О! Андрюха! Етить твою! Приехавши!

— Не приехавши, а пришедце, — поправил Лузгин. — Здорово, отцы.

— Здорово! А чего, где машина-то?

— Маринке оставил.

— Присаживайся. Братка, ну его на хер, слезай давай. Слушай, а Маринка приедет?

— Не приедет, — коротко ответил Лузгин, сбрасывая рюкзак.

— Во как... — сказал Юра понимающе. — Ну, выпей.

Витя спустился вниз, звякая «кошками», подошел к Лузгину и сунул ему мозолистую руку.

— Опять вырос, — оценил он. — И куда вы растете!

— Да куда мне расти, тридцать лет уже. Все ты шутишь, дядь Вить.

— Ско-олько?

— Тридцать.

— Это сколько же мне тогда?!

— Слушай, ты посуду давай, — напомнил Юра.

— На.

— Ну... Вот. Держи, Андрюха. С приездом.

— С приездом, — согласился Лузгин, опасливо заглядывая в стакан и заранее передергиваясь. Этикетка на водочной бутылке внушала сомнение даже издали, а уж вблизи... И налили ему сто граммов верных. Здесь по-другому не умели наливать. Не понимали, зачем. И вправду зачем, смысла ведь никакого. Пить надо, чтобы выпить.

Водка оказалась мерзкая, да еще и теплая. На-

верное, поэтому она тут же, ударом, треснула в голову. Лузгин присел на траву и достал сигареты.

— Вы сейчас курите? — спросил он. Близнецы лет пять назад на спор вместе бросили курить. Кто первый закурит, с того ящик.

— Не-а, — мотнул головой Юра. — Этот-то смолит втихаря, я подозреваю...

— Чего-о?

— Молчу. Слушай, Андрюха, ты рыбки попробуй. Отличная рыбка.

Лузгин попробовал. Рыбу есть было можно, ее почти докоптили.

— Хорошая, — кивнул он. — Сами... настреляли?

Прислоненную к забору двустволку Лузгин сразу заметил, просто не знал, как о ней спросить.

Братья переглянулись.

— Слушай, а давай еще по одной, — предложил Юра. — Там и осталось-то всего ничего.

— Да мне же идти дом открывать. Мести, вытряхивать, мыть, воду таскать — возни на три часа... Может, вечером?

— Вечером не до того будет, — сказал Витя. — Давай сейчас. Да чего ты смотришь на нее? Хорошее вино.

Лузгин с трудом отвел взгляд от бутылки, закурил и кивнул.

На этот раз ему перепало чуть меньше, и по голове стукнуло не так сильно. Подзатыльник, не больше.

— Хорошее вино, — повторил Витя. — Эх... Ладно, полезу доделывать.

Он зашагал к столбу.

— Что с телефоном? — спросил Лузгин.

— А-а, с ним всегда чего-нибудь. Трещать начал. Плохо слышно.

— А вечером что намечается?

Витя, уже закинувший одну ногу на столб и впившийся в дерево стальными когтями, оглянулся.

— Часиков в десять подходи на Кресты, — сказал он. — Поговорим. Там все будут, и ты приходи.

— С ружьем?

— А как же. Пули есть у тебя?

— Крупная дробь. Три ноля. Почти картечь.

— Ну, не знаю. Ты сначала тогда ко мне зайди, я тебе с пулями дам, у тебя же двенадцатый калибр?

— На кого охота-то?

— А х...й его знает, — очень честным голосом ответил Витя, карабкаясь на столб.

Лузгин в упор посмотрел на Юру. Тот сделал неопределенное движение носом.

— Слушай, ты откуда пешком-то? — спросил он.

— С поворотки. Филино обогнул — водила посоветовал, который меня вез.

— Слышь, Витя? Ему водила посоветовавши Филино обойти.

— Какой еще водила?

— Который Андрюху до поворотки везши. Вот гондоны ведь городские!

— Сучье, — поддержал Витя, заново пристегиваясь страховкой к столбу. — Андрюха, они тебе про собак бешеных не говоривши?

— Рассказывали. Мент на вокзале. Но этот, который вез меня...

— Вот гондоны рваные, етить твою!

— ...он сказал, что дело не в собаках.

— Ага! — обрадовался Юра. — Слушай, люди у них кусаются! Да?!

Лузгин выставил перед собой ладони — мол, за что купил, за то и продаю.

— А вообще, — заметил Витя со столба, — если в нашем городе долго прожить, и кусаться начнешь, и лаять.

— Хорошо, — сказал Лузгин. — А кто тогда кусается?

— Зверь, — ответили ему. — Зверь ходит.

— Э-э... Какой?

— Я же говорю — х...й его знает. Следы вроде как у росомахи — видел у росомахи следы?

— Не-а.

— Вот как у нее, но здоровенные. Он такой зверь. Медведь не медведь, волк не волк. Надо его, конечно, того. Лазают, гад, следит повсюду, собак ест, баб перепугал насмерть. Вчера Козлову собаку утащивши — помнишь Козла-то?

— Ну.

— А помер Козел. Собака бегала-бегала, вчера гляжу — пропавши. Точно зверь ее заевши, сука. Некому больше.

— Это не черная с рыжим, уши торчком, хвост кверху? — спросил Лузгин. — Небольшая. Облезлая, будто с лишая? Я под Филином ее встретил.

— Не, у Козла белая. А то вон его кобелина, — Витя со столба махнул рукой в сторону брата.

— Удрал, — вздохнул Юра. — Под Филином, говоришь? М-да. Е...ться, наверное, побегши. Ничего, пое...тся — вернется.

— Думаете, этот зверь пастухов загрыз? — свернул ближе к теме Лузгин.

— Каких пастухов? — дружно изумились близнецы.

— Ну, вроде бы погибли двое... — начал Лузгин неуверенно.

— Слушай, это у Горелого Бора? — перебил Юра. — Ага? Нет, братка, ты понял?! Ё-моё! Совсем они там в городе ох...евши. Да кто же их загрыз? Они сами кого хошь загрызут. Ножамы один другого зарезавши. Бабу вроде не поделивши. Тьфу!

— Хорошо, а женщина мертвая в районе Филино?

— Слушай, да она же не местная! — воскликнул Юра так радостно, будто это все объясняло и сводило к минимуму ущерб.

— И... И что?

— Да ее из города вывезли и нарочно бросили!

— Не далеко везти-то?

— Слушай, мужик, да кто ж их поймет, городских?

— Ты представь, Андрюха, — сказал Витя, запуская отвертку в коммутатор. — Чего под Филином в лесу может делать голая баба с маникюром и этим... па... падикуром? Молодая.

— Молодая, — повторил Юра, поднимая кверху палец. Опять же, будто молодость погибшей многое проясняла.

— А то, что погрызли ее — ну, мало ли кто погрыз.

Лузгин громко рыгнул. Пахнуло сивухой.

— Извините, — сказал он. — Давайте подытожим. Значит, лазает зверь, дерет собак, оставляет следы, больше ничего. Но люди-то пропадают? Рыбаки, я слышал, исчезли. И потом, вроде бы про-

шлым летом приезжали сюда двое москвичей — и тоже пропали. Их милиция искала.

— А-а, слушай, это которые зверя как раз ловивши! — вспомнил Юра. — Биологи, зоологи, хрен их поймет.

— Сами его и накликали сюда, — добавил Витя со столба.

— Он еще в прошлом году тут был?! — вконец ошалело спросил Лузгин.

— Не-а, в том году зверь к городу ближе ходил. Москвичи у нас покрутились чуток, поспрашивали и дальше умотали. Серега Муромский их тогда за Горелый Бор отвезши — и с концами. Ментовка потом искала, да без толку. А странные были оба. Пришибленные не пришибленные, а вот с прибабахом. Медленные. Я еще подумал — как они зверей-то ловят, если медленные такие.

— Ладно, — сказал Лузгин, поднимаясь на ноги. — Пойду дом открывать. Вечером увидимся.

— Ты, Андрюха, погляди там у себя внимательно. Изба-то на отшибе, вот и погляди — вдруг следы.

— Я смотрел — нету, — сказал Юра.

— А пускай он поглядит, глаза-то молодые.

— Только уже залитые малость, — заметил Лузгин и снова рыгнул.

* * *

Село и вправду умирало. Проходя главной улицей, Лузгин повсюду встречал отчетливые знаки близкого конца. Конечно, Зашишевы еще держались, ерепенилось, даже новый и довольно прибыльный бизнес освоило — заготовку древесины,

но ему фатально не хватало молодых. Они покидали этот лесной угол еще в советское время, а когда настала эпоха больших возможностей, сорвались отсюда все разом. У них просто не было стимула оставаться.

Чтобы жить, село должно обладать стратегически верным положением на карте. Зашишевы этим похвастаться не могло. Окажись оно хоть километров на десять ближе к городу, здесь сейчас была бы дачная зона, неплотно, но обстоятельно заселенная бегущими из шумного и грязного Подмосковья столичными жителями. А это уже приработок для аборигенов, рентабельный автобус и магазин хотя бы летом. Какое-никакое, а шевеление. Увы. Быть может, придет время, и Зашишевы поднимется. Но скорее всего этого не случится.

Потому что незачем.

На Крестах — единственном в селе перекрестке, украшенном кирпичным ящиком автобусной остановки и «рельсой» пожарного колокола, Лузгин встретил Ерёму-рыбака. В прошлом знатный браконьер, а теперь просто мирный дедушка-алкоголик безуспешно пытался завести мотоцикл с коляской, весь такой же перекошенный, как Ерёмкина физиономия. По меркам прогрессивного человечества рыбак был просто в жопу пьян, по своим личным — вполне ничего.

— О, Андрюха! — обрадовался Ерёма. — Приехавши!

Лузгин угостил его сигаретой.

— Привет вам, — сказал он. — От деда на «Запорожце».

— От какого деда? — удивился Ерёма.

— Дед меня подвозил на желтом «запоре». Просил вам передать, что зимой приедет на мормышку удить.

Ерёма только головой помотал да рукой махнул.

— Да и ну его, — сказал он. — Слушай, что я у тебя спросить хотел... Во! А правда, Киркоров — пидор?

— Дядя Ермолай, я же светской хроникой не занимаюсь, — извиняющимся тоном ответил Лузгин. — В основном про социалку пишу — ну, типа, как народу херово живется.

— Правильные слова, Андрюха! — воодушевился Ерёма. — Народу сейчас живется... — он снова помотал головой и махнул рукой.

— Далеко собрались-то? — участливо спросил Лузгин.

— А-а... — Ерёма изобразил ту же комбинацию жестов и широко улыбнулся. Глаза у него были пронзительно-голубые, приделай на молодое непропитое лицо — и хоть сейчас в Голливуд.

— Ну, счастливого пути, — сказал Лузгин.

— И тебе, Андрюха, того же!

Из коляски мотоцикла торчала двустволка.

* * *

Дом Лузгина стоял у околицы, и в этом году его от ближайшей жилой избы отделяло уже не две заколоченных, а четыре.

— Как же ты там будешь, милоч? — спросила Лузгина повстречавшаяся на пути знакомая старушка. — На самом краю, да еще один... Может, ко мне, а? У меня полдома свободно, живи — не хочу.

— Ничего, справлюсь, — улыбнулся Лузгин.

На участке никаких следов не обнаружилось, разве что за баней — там неоднократно выпивали и закусывали, но деликатно, без вандализма. Не у чужих же.

Лузгин открыл дом, распахнул ставни и окна, затопил печь, вытащил на лужайку пару матрасов, половики и начал выметать накопившуюся за два года пылью, радуясь, что избушка у бабушки не-большая была. Потом натаскал воды, полы вымыл, половики выбил, по-быстрому искупался в озере, переделся в чистое и принялся разгружать свой объемистый рюкзак. Сумку с ноутбуком небрежно бросил на диван. Расставил по кухонным шкафчикам припасы, которых должно было хватить на первую неделю — а потом наверняка оказия в город случится, или можно вытащить из бани велосипед и до Филина доехать. Тамошних мужиков с ружьями он уже не боялся. Куда больше Лузгин теперь опасался водки, которая продавалась в филинском магазине — он ведь ее уже сегодня попробовал. Нет, за водкой — в город. Пока что литр есть... Лузгин с сомнением поглядел на бутылки. Выпитое так и не выветрилось из организма, напротив, оно там в каком-то пороговом состоянии присутствовало, не столько радуя душу, сколько подбивая добавить. Собрав волю в кулак, Лузгин бутылки спрятал и посмотрел на часы. Ого! Вечер уже. Полдесятого. Не мешало бы поужинать — кто его знает, как оно дальше обернется. Тратить на перекус банку тушенки было жаль — тушенке предстояло обрести консенсус с макаронами, явив миру сытное и вкусное горячее блюдо. Поэтому Лузгин сунул в карман па-

ру вареных яиц, оставшихся с дороги, и краюху черного хлеба, завернул в бумажку немного соли. Прицепил на пояс нож, плотно набил кармашки патронташа, небрежно повесил его на плечо, взял ружье, вышел на крыльцо, присел и закурил.

Безмолвие нахлынуло и потрясло. Тихий-тихий шелест листвы, почти неразличимый плеск воды у берега, и ни одного искусственного, человеческого звука. У Лузгина чуть слезы на глаза не навернулись. Еще два с лишним месяца покоя впереди.

И никакого внутри ни смятения, ни зуда по поводу возможной в самом недалеком будущем встречи с неведомым зверем. Или не зверем. Или не встречи. Абсолютно все равно. Лузгин знал, куда едет и зачем. Он искал тишины и гармонии. Он их нашел.

* * *

— На, держи, — Витя протянул Лузгину два патрона, снаряженных пулями. Лузгин их критически оглядел и сунул в карман.

— Ты заряди, — сказал Витя.

— Успею, — отмахнулся Лузгин. Не хотелось ему обижать Витю, объясняя, что патроны выглядят не лучшим образом. Для двустволки, конечно, сойдет — пальнет, родимая, никуда не денется. А вот магазинное ружье с трудом переваривает картонные гильзы, набитые кустарным способом. Перекосит в магазинке такую гильзу запросто, и окажется у тебя вместо помповухи дубина. На утиной охоте перекося не трагедия, а вот против зверя...

— На дорожку? — предложил Витя.

Оглавление

Часть первая. ПОЙМАТЬ ЗВЕРЯ

Глава 1	5
Глава 2	80
Глава 3	113

Часть вторая. ДЕНЬ ВАМПИРА

Глава 1	144
Глава 2	174
Глава 3	221

Часть третья. НОЧНОЙ СМОТЯЩИЙ

Глава 1	271
Глава 2	329
Глава 3	348